

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

Александр Николаевич ФЕДОРОВСКИЙ

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук
Профсоюзная ул., 23, Москва, 117997, Российская Федерация
a.fedorovsk@imemo.ru

Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах

АННОТАЦИЯ. Анализируются цели, возможности и риски участия Республики Корея в интеграционных проектах. Приводится характеристика базовых принципов южнокорейской внешнеэкономической стратегии, включая преимущество подходов правящих администраций к решению задачи обеспечения внешнеэкономической экспансии. Показаны изменения механизмов отстаивания интересов национального производителя: от защиты внутреннего рынка в пользу большей конкуренции и в контексте обеспечения доступа к внешним рынкам. Дается оценка роли двусторонних соглашений о свободной торговле и региональных мегапроектов в южнокорейской внешнеэкономической дипломатии. Проводится сопоставление соглашений о свободной торговле, заключенных Республикой Корея с Европейским Союзом, США и Китаем. Характеризуется сдвиг во внешнеэкономических связях страны в пользу Китая и других стран Восточной Азии. Исследуются результаты первого года реализации соглашения о свободной торговле между КНР и Республикой Корея, в том числе отмечаются выявленные ограничения, сдерживающие углубление экономических связей. Показаны факторы, способствующие и противодействующие интеграционному сближению Китая, Японии и Республики Корея. Обосновано наличие заинтересованности Сеула в участии в ин-

теграционных процессах в Восточной Азии, в том числе в рамках развития торгово-экономических связей со странами АСЕАН. Анализируется позиция Республики Корея в отношении интеграционных мегарегиональных проектов в АТР, включая ТПП. Оцениваются современное состояние и возможности развития российско-южнокорейских торгово-экономических отношений. Приводится прогноз приоритетов участия Республики Корея в интеграционных процессах в Северо-Восточной Азии, Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Корея, Китай, США, ЕС, Япония, Россия, Северо-Восточная Азия, Восточная Азия, АСЕАН, ТТП, АТР, региональная интеграция, внешнеэкономическая стратегия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федоровский А.Н. (2017). Приоритеты участия Республики Корея в интеграционных проектах. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 10 (4). 144-157. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

Исследование выполнено по комплексной программе фундаментальных исследований ОГПМО РАН. Проект «**Экономические и социальные дисбалансы в макрорегионах современного мира**».

Asia: Challenges and Prospects

DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

Aleksandr Nikolaevich FEDOROVSKII

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997

a.fedorovsk@imemo.ru

Priorities of the Republic of Korea in Integration Projects

ABSTRACT. *The article deals with the main purposes, opportunities and risks of the Republic of Korea's involvement in integration projects. The author stresses the basic principles of South Korean foreign economic strategy, including common views of the different president administrations on key foreign economic priorities, including constant support of business expansion towards the most prominent markets. The analysis focuses also on new methods of support of national business interests: the transition from rigid defense of domestic market to adoption to growing competition at home as far as foreign partners agreed to open their markets to South Korean export. The paper describes role of bilateral Free Trade Agreements (FTA) and regional mega-projects in South Korea's foreign economic diplomacy. Comparison study of bilateral Free Trade Agreements between the Republic of Korea on the one side, European Union, the USA and China on the other sides. The author characterizes growing role of China and other East Asian countries for South Korean economy the ROK-China Free Trade Agreement, including some obstacles and limitations to upgrade development of bilateral economic exchanges. Special attention paid to positive and negative factors, influenced on economic integrations between China, Japan and the Republic of Korea. The paper*

describes Seoul's interests in economic integration projects in East Asia, including involvement in joint economic projects with ASEAN. The author analyses the Republic of Korea's attitude to regional mega-projects in Asia-Pacific region such as Trans-Pacific Partnership. Finally the article describes modern stage and possible development of Russia-South Korea economic relations and contains forecast of the main trends of the Republic of Korea's involvement in integration projects in East Asia and in Asia-Pacific region in general.

KEYWORDS: Republic of Korea, China, USA, European Union, Japan, Russia, regional integration, North East Asia, East Asia, ASEAN, Asia-Pacific region

FOR CITATION: Fedorovskii A.N. (2017). Priorities of the Republic of Korea in Integration Projects. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, 10 (4). 144-157. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-144-157

ACKNOWLEDGMENTS: *The research is done under the complex program of fundamental research of the Subdivision of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Project "Economic and Social Imbalances in the Macroregions of the Modern World".*

Являясь четвертой экономической державой Азии, но существенно уступая при этом в экономической мощи своим соседям (Китаю и Японии), Республика Корея вряд ли может претендовать на всеобъемлющее лидерство. Тем не менее южнокорейские претензии на заметную роль в региональной и мировой экономике не лишены оснований. Южная Корея как участник международного диалога имеет веские аргументы в свою пользу. В частности, позиции ведущего мирового экспортера ряда промышленных товаров (электроники, морских судов, автомобилей). Отсутствие наследия колонизаторского и экспансионистского прошлого (Япония) и недостаточно понятных внешнеполитических амбиций в настоящем (Китай). Сбалансированное сотрудничество с США, Китаем, Японией и ЕС (первый из стран Тихоокеанской Азии договор о свободной торговле). Способность продемонстрировать азиатским партнерам то, что не могут пока предложить ни Китай, ни АСЕАН (впечатляющий успех рыночной экономики при укрепляющейся демократии, отступающей коррупции, культурном ренессансе). На этой почве повышается международный авторитет Сеула и выстраивается долгосрочная стратегия ответственного роста.

При этом Сеул исходит из того, что региональные интеграционные проекты и решения могут быть полезны в долгосрочной перспективе только тогда, когда они вписываются в стратегию глобального развития. Так, Республика Корея разделяет ожидания относительно того, что Китай и другие развивающиеся экономики могут существенно поддержать мировой рост, однако одновременно надежды на позитивные мировые тренды соотносит с восстановлением устойчивого роста американской экономики.

При этом во властных элитах страны сложился консенсус относительно приоритетов интеграции в мировую экономику. Эта стратегия носит двухуровневый характер. К первому уровню относит-

ся заключение преимущественно двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ). На втором – переговоры и проекты, носящие мегарегиональный и глобальный характер. На практике администрация либерального президента Но Му Хёна (2003–2008 гг.) и консервативных руководителей южнокорейского государства Ли Мён Бака (2008–2013 гг.) и Пак Кын Хе (2013–2017 гг.) проводили близкую по своему содержанию внешнеэкономическую политику, которая при президенте Ли Мён Баке получила наименование «пространство свободной торговли» (free-trade network), которая должна способствовать реализации задачи формирования экономики «глобальной Кореи» (Global Korea) (Cooper et al., 2011a, p. 32–33). Причем данная позиция исходит из понимания того, что интеграция на пространстве АТР происходит не столько под влиянием плановых начертаний государственных руководителей, сколько под воздействием рыночных драйверов.

Цель означенной политики состоит в том числе в превращении РК в своего рода региональный пункт притяжения и перераспределения товарных потоков и предоставляемых услуг, инвестиций, научно-технических и информационных обменов, а также подготовки и концентрации высококвалифицированных кадров. Практическая реализация намеченных целей проявляется в подписании двусторонних ССТ.

Двусторонние соглашения РК о свободной торговле с ЕС и США

В начале XXI века продолжался начавшийся еще в 90-е гг. процесс изменения географического распределения южнокорейской внешней торговли. США и ЕС уступали КНР и членам АСЕАН роль ведущих внешнеторговых партнеров РК (Таблицы 1 и 2). Вместе с тем южнокорейская экономика по-прежнему заинтересована как в снятии ограничений, связанных с выходом на американский и европейский

Таблица 1. Основные внешнеторговые партнеры Республики Корея в 2001 г.

Страна	Экспорт из РК (млрд долл.)	%	Импорт в РК (млрд долл.)	%
Китай	18,2	12,1	13,3	9,4
Гонконг	9,5	6,2	1,2	0,9
Тайвань	5,8	3,9	4,3	3,0
АСЕАН	15,3	10,2	14,5	10,3
Япония	16,5	11	26,6	18,9
Всего Восточная Азия	65,3	43,4	59,9	42,5
США	31,4	21	22,4	15,9
ЕС (27)	22,6	15	14,1	10
Россия	0,9	0,6	1,9	1,3
Всего	150,4	100	141,1	100

Рассчитано по: International Trade Center. Trade map. URL: <http://trademap.org/tradestat> (Accessed: 12.09.2017)

рынки, так и в максимальном доступе к научно-техническому потенциалу своих западных партнеров.

После двух лет интенсивных переговоров РК и Европейский Союз (ЕС) 6 октября 2010 г. подписали ССТ, вступившее в силу 1 июля 2011 г. Данное соглашение касалось только регулирования торговых обменов, причем сфера услуг рассматривалась преимущественно с учетом обсуждения этого вопроса в рамках южнокорейско-американских переговоров по заключению ССТ. В целом складывалось впечатление, что РК рассчитывала добиться принятия полномасштабного договора, охватывающего все грани двусторонних экономических отношений с тем, чтобы сформировать базу долгосрочных взаимодействий с ЕС. В то же время в ЕС рассматривали подготовку данного ССТ, скорее, в качестве пилотного проекта, апробация которого была бы учтена в ходе развития отношений с такими экономическими гигантами, как Китай, Индия и Япония.

Южная Корея весьма осторожно подошла к открытию своего сельскохозяй-

ственного рынка для европейских экспортеров. Одномоментно тарифы были сняты и квоты увеличены лишь на 30% объема сельскохозяйственного экспорта из ЕС в РК. Притом что поставки европейского продовольствия и сырья накануне заключения соглашения (данные за 2009 г.) составляли лишь 1,4 млрд долл. (четвертое место поставщиков аналогичной продукции в РК), снятие всех ограничений на импорт европейского продовольствия предусматривается лишь через 20 лет (Cooper et al., 2011a, p. 39).

Что касается отраслей сферы услуг, то стороны согласились обеспечивать равные условия предоставления услуг на своей территории, при некоторых оговорках, касающихся, в частности, страхования. Сеул проявил в этом вопросе гибкость, учитывая, что такая постановка вопроса европейцами имела объективные основания, поскольку рынок услуг регулируется в РК более жестко, чем в ЕС. При этом стороны договорились, что условия допуска европейских компаний в сфере услуг должны быть аналогичны тем, какими будут пользоваться американские конкурен-

Таблица 2. Основные внешнеторговые партнеры Республики Корея в 2016 г.

Страна	Экспорт из РК (млрд долл.)	%	Импорт в РК (млрд долл.)	%
Китай	124,4	25,1	87,0	21,4
Гонконг	32,8	6,6	1,6	0,4
Тайвань	12,2	2,5	16,4	4,0
АСЕАН	79,2	16,0	46,8	11,6
Япония	24,4	4,9	47,5	11,7
Всего Восточная Азия	273,0	55,1	199,3	49,1
США	66,8	13,5	43,4	10,6
ЕС (27)	50,7	10,2	49,2	12,1
Россия	4,8	1,0	8,6	2,1
Всего	495,5	100	406,1	100

Рассчитано по: International Trade Center. Trade map. URL: <http://trademap.org/tradestat> (Accessed: 12.09.2017)

ты после подписания ССТ между США и РК. В любом случае стороны исходили из того, что применение регулирования в этой сфере должно быть прозрачно и понятно всем участникам.

Южнокорейская сторона в ходе переговоров продемонстрировала готовность к уступкам, поскольку для РК договоренность с ЕС носила стратегически важное значение, позволяющее предупредить ослабление, а по возможности и способное нарастить коммерческие обмены с ЕС и за счет этого успешнее диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, избегая усиления чрезмерной зависимости от китайского рынка.

США и РК подписали ССТ в 2007 г., скорректировав его в 2010 г. Однако соглашение вступило в силу только лишь 15 марта 2012 г. после его ратификации сторонами. Документ предусматривает регулирование как торговых, так и инвестиционных обменов двух стран. В частности, с момента вступления соглашения в силу разрешен свободный доступ на южнокорейский рынок 2/3 американской сельскохозяйственной продукции. В течение сле-

дующих 10 лет будет происходить постепенное снижение тарифов и отказ от импортных квот на оставшуюся номенклатуру товаров, кроме говядины. Тарифы на импорт говядины будут снижаться в РК в течение предстоящих 15 лет.

Особенно трудно согласовывались правила торговли автомобилями, что весьма важно для экономики двух стран. Достичь договоренности в значительной мере помогла динамика инвестиционных обменов, обеспечивших резкий рост производства американских автомобилей в РК (с 210 тыс. в год в 2009 г. до 450 тыс. в 2010 г.), а также развитие отраслевых цепочек добавленной стоимости. Либерализация торговли услугами превысила ограничения, устанавливаемые ВТО (на чем настаивали США). В свою очередь, поставки 60% текстиля и одежды немедленно выводились из-под импортных ограничений, что уже больше устраивало Сеул. Для контроля за поддержкой Южной Кореей фармацевтики и условий поставок на внутренний рынок медицинской техники создан независимый контрольный орган (Medicines and Medical Devices Committee) (Cooper et. al., 2011b, p. 61–62).

Южная Корея является седьмым по объему экспортным рынком для американских корпораций. За время действия соглашения (с 2012 по 2016 г.) экспорт товаров и услуг из США в РК увеличился на 23%. При этом Соединенные Штаты сохраняли профицит в торговле услугами (9,4 млрд долл. в 2015 г.) (Junseong, 2017).

Подписание двусторонних соглашений РК с ЕС и США из-за существенного различия экономических потенциалов имеет для РК большее значение, чем для внешних партнеров. По существующим оценкам, подписание ССТ с ЕС позволило РК увеличить прирост ВВП в пределах 1–2%, тогда как ЕС – всего лишь 0,05%. Аналогичное соглашение между Сеулом и Вашингтоном, по мнению американских и южнокорейских экспертов, дало РК прирост ВВП на 0,5%, США – 0,1% (Becker, 2011, p. 52).

Междутем американо-южнокорейское ССТ подверглось жесткой критике со стороны президента Д. Трампа из-за удвоения за время действия соглашения импорта из Южной Кореи и сохраняющегося торгового дисбаланса в пользу РК. При этом следует подчеркнуть, что дефицит в торговле с РК составил в 2016 г. лишь 28 млрд долл. (или 3,8% совокупного внешнеторгового дефицита США), тогда как аналогичные показатели в торговле с Китаем достигли 347 млрд. долл. (43,2%), с Японией – 69 млрд. долл. (9,8%) (Junseong, 2017).

Между тем американская Комиссия по международной торговле в опубликованном в июне 2016 г. докладе дает позитивную оценку действующему двустороннему ССТ. Авторы документа отмечают, что без данного соглашения дефицит в торговле США с РК может увеличиться и составить 44 млрд долл. Иными словами, американские компании имеют возможность благодаря ССТ больше реализовывать товаров и услуг на южнокорейском рынке, а значит, нанимать больше персонала в США, что как раз и соответствует задачам, озвученным президентом Д. Трампом.

Подписанное соглашение позволяет начать процедуру выхода из него через 180 дней после соответствующего уведомления партнера. Однако даже в случае результативных американо-южнокорейских переговоров по пересмотру ССТ новое руководство РК в лице президента Мун Чжэ Ина столкнется с серьезными трудностями при ратификации пересмотренного соглашения, поскольку южнокорейская политическая элита болезненно воспринимает угрозу внешнего давления с целью получения экономических уступок.

Экономический поворот на Восток: южнокорейский вариант

За первые полтора десятилетия XXI века сотрудничество между РК и КНР отличалось высокой динамикой и в результате приобрело значительные масштабы. Так, двусторонний товарооборот увеличился более чем в 7 раз (с 31,5 млрд долл. в 2001 г. до 211,5 млрд долл. в 2016 г.). При этом доля КНР в южнокорейском экспорте выросла с 12% до 25%, а в импорте – с 9% до 21% (Таблицы 1 и 2). В итоге Китай превратился в крупнейший внешний рынок сбыта южнокорейских товаров и в ведущего поставщика потребительской и промышленной продукции.

Вместе с тем в отмеченный период в двусторонних торгово-экономических связях сохранялось немало ограничений тарифного и нетарифного характера, сдерживавших дальнейшее развитие коммерческих обменов. Все это поставило в повестку дня вопрос о либерализации взаимной торговли. Свою стимулирующую роль сыграли и внешние факторы. Оказавшись за рамками переговоров о создании Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Китай и Южная Корея должны были продемонстрировать деловым кругам в своих странах возможные альтернативы участия в мегапроектах. Одним из таких перспективных проектов в странах

Северо-Восточной Азии (СВА) считается возможность заключения трехстороннего ССТ между Китаем, Республикой Корея и Японией. В этом смысле в Пекине и Сеуле демонстрировали двустороннее ССТ как предвестник заключения аналогичного трехстороннего соглашения с участием Токио.

Говоря о политическом фоне двусторонних отношений, следует обратить внимание на то обстоятельство, что нынешний глава КНР Си Цзиньпин свой первый государственный визит на Корейский полуостров осуществил в 2014 г. в Сеул, а не в Пхеньян. Южная Корея оказалась на пересечении приоритетов американской и китайской тихоокеанской дипломатии. «Для Пекина ключевым приоритетом в соревновании региональных держав является стремление удержать Сеул от сближения с Токио и Вашингтоном» (Guidetti, 2014, р. 110–111). В ходе китайско-южнокорейских переговоров большое внимание было уделено торгово-инвестиционному и инновационному сотрудничеству, притом что в поездке Си Цзиньпина сопровождали 200 представителей китайского бизнеса.

Руководители первой и четвертой экономик Азии, чей товарооборот в 2016 г. составил 211 млрд долл. (а с учетом Гонконга – около 250 млрд долл.), исходили из того, что обе страны сталкиваются в своем развитии с решением сходных задач. Речь идет о структурной перестройке в пользу высокотехнологичных отраслей, развитии фундаментальной и прикладной науки, модернизации инфраструктуры. Достигнута договоренность о совместных программах в освоении биотехнологии, новых материалов и возобновляемых источников энергии. Обе страны уже длительное время находятся в поиске путей оптимизации своего участия в региональных интеграционных процессах, что побуждает Пекин и Сеул согласовывать свои внешнеэкономические решения. В итоге обе страны подписали ССТ, вступившее в силу 20 декабря 2015 г., а также договорились приступить к использованию во взаимных

расчетах национальные валюты (что на практике означает очередное продвижение «валютного наступления» Китая).

Двум странам еще предстоит преодолеть немало проблем. Так, с 1996 г. остается нерешенным вопрос о согласовании морской зоны исключительных экономических интересов. События 2016–2017 гг., связанные с размещением на Корейском полуострове американской системы ПРО, были крайне негативно истолкованы в Пекине, что отрицательно отразилось на двусторонних экономических связях. Тем не менее существуют фундаментальные причины, создающие основы сохранения долгосрочных отношений между Пекином и Сеулом. При этом обе стороны пытаются проявить гибкость в своей политике. Китай – дабы продемонстрировать конструктивность своей внешнеэкономической экспансии, РК – с тем, чтобы продолжать успешно балансировать между США и Китаем.

С одной стороны, РК выражает свой положительный подход к заявке Китая на глобальное и региональное лидерство, в том числе путем реализации проекта «Один пояс – один путь». С другой стороны, поскольку четких параметров китайской стратегии все еще нет, контуры южнокорейской позиции также очерчены не вполне ясно и остаются достаточно подвижными.

Президент Пак Кын Хе провозгласила стратегию евразийского направления в качестве приоритетного внешнеполитического курса. Примечательно, что, несмотря на жесткую критику политического наследия отправленной в результате импичмента в отставку своей предшественницы на посту президента, избранный в 2017 г. главой южнокорейского государства Мун Чжэ Ин не отвергает этот аспект внешнеполитической и внешнеэкономической доктрины страны. При этом термин «евразийское направление» дает возможность избежать обязывающих или содержащих политический вызов формулировок. Чего нет в южнокорейской позиции, так это ан-

тизападничества. «Южной Корее приходится следовать «дипломатии средней державы», стараясь быть нейтральной в отношении соперничества США и Китая» (Kim Joop Nyung. 2013, p. 29).

С точки зрения решения практических экономических задач, ставка делается на укрепление экономических отношений с Китаем, в том числе в рамках подписанного Сеулом и Пекином ССТ. Одновременно РК стремится обеспечить свою вовлеченность в тех китайских региональных проектах, которые представляют долгосрочный коммерческий интерес. Однако перспективы и оценка возможной результативности делового сотрудничества РК и Китая на этих направлениях все еще в ряде случаев носит вероятный и декларативный характер.

Первые итоги подписания ССТ между РК и КНР

В этом смысле южнокорейско-китайское ССТ рассматривалось сторонами в качестве пилотного проекта, уточняющего контуры работоспособного партнерства в СВА, которое бы придало импульс формированию интеграционного пространства в Восточной Азии. Оценивая в этом контексте достигнутые Сеулом и Пекином результаты выполнения двустороннего экономического соглашения, можно сделать следующие предварительные выводы.

Прежде всего, обращает на себя внимание то обстоятельство, что вступившее в силу 20 декабря 2015 г. южнокорейско-китайское ССТ спустя год получает в Республике Корея сдержанные оценки. С одной стороны, позитивно воспринимается тот факт, что подпадающие под действие соглашения товарные группы в 2016 г. в меньшей степени продемонстри-

ровали количественное снижение, нежели весь товарооборот в целом. С другой стороны, тот факт, что достигнутые договоренности не только не увеличили взаимные обмены, но и не смогли предотвратить их сокращение, вызывает разочарование в южнокорейских политических, экспертных и деловых кругах. В частности, экспорт в КНР упал за год на 11%, тогда как в целом объем вывоза южнокорейских товаров сократился за год на 7%. При этом доля поставок из Южной Кореи в общем объеме китайского импорта несколько уменьшилась (с 10,9% до 10,5%), в то время как доля такого южнокорейского конкурента, как Япония, не имеющей аналогичного соглашения с Китаем, увеличилась с 8,9% до 9,6%¹.

Одним из объяснений сложившейся ситуации может быть то обстоятельство, что за рамками двустороннего ССТ остались товары, в производстве которых южнокорейский бизнес сохраняет свои конкурентные преимущества: полупроводники, дисплеи с плоским экраном, автомобили. При этом 35% составляют компоненты и узлы для производства инвестиционных товаров, а также транспортных средств и оборудования. В то же время в южнокорейском импорте из Китая существенная часть принадлежит конечной продукции, прежде всего потребительского назначения (12,1%) (Nicolas, 2012, p.89).

Рассматривая эту проблему шире, следует обратить внимание на то, что стороны оставили вне рамок договоренности значительный круг товаров. Так, Южная Корея взяла обязательство в течение 10 лет отказаться от 79% своих импортных тарифов, а Китай, в свою очередь, – от 71%. Аналогичные соглашения РК с Европейским Союзом подразумевали освобождение от таможенных тарифов в течение 10 лет 98,1% европейских товаров, ввозимых в РК, и 99,6% южнокорейских

1 One year later, no clear winner in S.Korea-China free trade agreement. URL: http://english.hani.co.kr/arti/english_edition/e_business/775431.html (Accessed: 10.09.2017)

товаров, поставляемых в ЕС. Американо-южнокорейский ССТ предусматривает также в течение 10 лет освобождение 98,3% американских товаров, ввозимых в РК и 99,2% южнокорейских товаров, импортируемых США. Таким образом, степень либерализации южнокорейско-китайской торговли без малого на 20–30 пунктов меньше, чем это демонстрируют соглашения РК с западными партнерами².

При этом помимо количественных отличий южнокорейско-китайское ССТ характеризуется тем, что китайская сторона в ходе проходивших переговоров, несмотря на позицию южнокорейских партнеров, избегала применения договорных стандартов, апробированных в южнокорейско-американском ССТ.

Сохраняются дисбалансы в регулировании торговли сельскохозяйственной продукцией. Освобождению от тарифов на протяжении 20 лет подлежит 64% продукции южнокорейского и 91% китайского сельскохозяйственного экспорта. Кроме того, обращает на себя внимание, что вопросы либерализации инвестиционных обменов и взаимной торговли услугами были выведены за рамки соглашения. Решено их рассмотреть на переговорах не раньше 2018 г. Между тем налицо снижение привлекательности Китая для южнокорейских инвестиций. Если в 2003–2004 гг. на Китай приходилось 40% всех прямых частных капиталовложений, направляемых из РК за рубеж, то к 2011 г. эта доля сократилась до 14% (Nicolas, 2012, p. 90). Затяжка с выработкой инвестиционного соглашения как дополнения к двустороннему ССТ может негативно отразиться на перспективах развития китайско-южнокорейских отношений, что отрицательно скажется на внешнеэкономических планах и той, и другой стороны.

Южная Корея и мегарегиональные проекты в АТР

Между тем одним из важнейших аспектов южнокорейско-китайского взаимодействия как раз и является продвижение основ многостороннего интеграционного сотрудничества в трехстороннем (в СВА) и в многостороннем формате (Восточная Азия и АТР).

В АТР Республика Корея остается сторонником провозглашенной на саммите в Иокोगаме в 2010 г. идеи превращения АТЭС в «единую зону свободной торговли» путем сближения тихоокеанских экономик посредством формирования общего подхода к развитию внешнеэкономических связей и адаптации сформировавшихся в регионе зон свободной торговли. В этом контексте этапными для Сеула, помимо ратификации американо-южнокорейского ССТ, стало достижение в мае 2011 г. договоренностей с КНР и Японией, на которые приходится около 1/3 внешнеторгового оборота Республики Корея, о намерении подписать трехстороннее соглашение о свободной торговле.

Впервые идея трехстороннего ССТ была выдвинута еще в 2002 г., однако лишь в последние годы наметилось практическое обсуждение реализации этой идеи. По существующим оценкам, заключение трехстороннего ССТ увеличило бы ВВП Китая в 2015 г. на 2%, Японии – на 0,3% и РК – на 2,8%³. Взаимная заинтересованность в экономическом сближении заставляет Китай, Японию и Корею искать компромиссы и вырабатывать согласованную позицию относительно содержания и перспектив интеграции в СВА. При этом заключение такого рода трехстороннего со-

2 Schott J.J., Euijin Jung. South Korea-China FTA falls short on reform. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2016/05/29/south-korea-china-fta-falls-short-on-reform/> (Accessed: 15.09.2017)

3 Analysis of a China-Japan-Korea Free Trade Area Analysis of a China-Japan-Korea Free Trade Area: A sectoral approach. URL: <http://keia.org/sites/default/files/publications/02Ahn.pdf> (Accessed: 15.09.2017)

глашения находится в прямой взаимозависимости от продвижения переговоров о создании региональных интеграционных мегапроектов. «Китай, активно отстаивая заключение ССТ с Южной Кореей и поддерживая переговоры о заключении трехстороннего соглашения между КНР, Японией и Республикой Корея, исходил из необходимости противовеса ТПП» (Cheong Inkyo, 2013, p. 66). В свою очередь, РК выступает активным приверженцем трехсторонней интеграции, рассматривая участие в ней как возможность решить свои проблемы взаимоотношений с Китаем и Японией⁴.

Координация «тройкой» институционального строительства может иметь значение не только с точки зрения сближения ведущих экономик Азии, но и с учетом выстраивания интеграционных механизмов и определения «правил игры» на всем тихоокеанском пространстве. Для корейской и японской экономик членство в Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ) даст гарантию американского противовеса доминированию Китая в процессах интеграции в СВА. В свою очередь, экономическое сближение с Токио и Сеулом позволит Пекину подстроить под свои цели развития формирующийся в СВА финансовый и промышленный потенциал, а также крупнейший в мире рынок, опираясь на возможности которого можно будет активно побуждать американских партнеров конструктивно отнестись к учету интересов Китая на региональном и глобальном уровнях.

Взаимная заинтересованность способствует концентрации торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и Республики Корея в наиболее перспективных сферах экономики, создавая организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений. Стороны ищут пути перехода от промыш-

ленной к научно-технической кооперации, возможности улучшить свою и региональную транспортно-логистическую и информационную инфраструктуру, продвигаться в решении таких вопросов, как сохранение окружающей среды, повышение уровня образования, развитие медицинской сферы и индустрии туризма.

В условиях консервации нерешенных застарелых межгосударственных проблем в сфере политики и безопасности (включая территориальные споры и оценки исторического прошлого) в СВА сохраняется ситуация «азиатского парадокса», подразумевающего сочетание экономического сотрудничества на фоне региональной политической нестабильности (Glosserman, Snyder, 2015, p. 71). В то же время потребность обеспечения условий для улучшения параметров экономического роста за счет сотрудничества с партнерами по интеграции в СВА побуждает три государства добиваться обеспечения региональной безопасности за счет преимущественно политического сотрудничества.

Южнокорейская дипломатия, вырабатывая свою политику в отношении АТР, вынуждена маневрировать, дабы избежать ухудшения своих отношений с Китаем и США. В частности, Сеул не поддерживал планы активизации региональной интеграции в рамках ТТП, поскольку Пекин настороженно относился к этой американской инициативе. РК, хотя и в сдержанной форме, критикует курс КНР на поддержку своих госкорпораций. В то же время Сеул полемизирует с США, выступая за всемерное расширение сотрудничества в инновационной сфере, за максимальное снятие ограничений на передачу технологий, в чем он солидаризируется с Пекином и рядом других тихоокеанских государств. Одновременно РК активно лоббирует региональное сотрудничество в образовательной сфере.

4 Kim Young-Sun. ASEAN – S.Korea partnership to grow. URL: <https://www.thestar.com.my/news/regional/2017/05/24/aseans-korea-partnership-to-grow-seouls-industrial-success-can-provide-invaluable-lessons-to-the-reg/> (Accessed: 15.09.2017)

В сложившихся условиях на повестке дня внешнеэкономической политики РК встает вопрос о возможностях и перспективах интеграционных проектов, альтернативных ТТП. Однако планы реализации других региональных мегапроектов либо затруднены (Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство/РВЭП), либо еще недостаточно очерчены («Один пояс – один путь»).

Повод для сомнений дает трудное продвижение концепции РВЭП, созданного в 2012 г. и объединяющего 16 стран АТР, лидером которого претендует стать Китай и в котором Южная Корея рассчитывала занять заметное место. Координация внешнеэкономической политики в рамках РВЭП давало бы РК дополнительную возможность обсудить уровень таможенных и инвестиционных барьеров, адаптировать к новым внешним условиям действующие и создать при необходимости новые институты (требования к которым задавались соглашениям о создании ТТП). Кроме того, 6 членов РВЭП участвовали в переговорах по ТТП. Таким образом, РВЭП в определенной части его деятельности выступал не конкурирующим, а дополняющим ТТП институтом. Однако кризис ТПП поставил вопрос о новых задачах РВЭП. Как ТТП было для РК неприемлемо без участия Китая, так и РВЭП без американского участия и отсутствия альтернативы в лице ТТП в значительной мере теряет свою привлекательность, поскольку в сложившихся обстоятельствах обостряется проблема зависимости от Китая. Поскольку аналогичные риски принимаются другими участниками переговоров, в первую очередь Индией, данное обстоятельство становится одной из причин затягивания принятия основополагающих документов РВЭП.

Сеулу и его партнерам предстоит сложный процесс перезагрузки переговорного процесса, в рамках которого участникам

предстоит определить цели и возможности РВЭП в новых условиях. Между тем РК заинтересована в экономической экспансии на рынки стран Юго-восточной Азии (ЮВА). Для этого использовался формат ССТ с государствами этого региона, а также переговорный форум АСЕАН + 3, в рамках которого десять стран – членов АСЕАН оговаривали принципы экономического взаимодействия с Китаем, Южной Кореей и Японией. Заинтересованность Сеула в этой структуре объясняется шансом экспортировать готовую продукцию на рынки ЮВА как в двустороннем формате, так и с промышленными предприятиями, расположенных в Китае. Однако эта возможность подходит к своему исчерпанию не только в связи с ростом издержек в Китае, но и в связи с тем, что за 2010–2015 гг. совокупный дефицит торговли членов АСЕАН с КНР вырос с 6 млрд до 84 млрд долл., т.е. в 14 раз (Рогожин, 2017, с. 36).

В период с 1995-го по 2010 г. крупный южнокорейский бизнес перенес за рубеж (преимущественно в ЮВА, а также в Восточную Европу) 17% своего промышленного потенциала (Park Yoon-shik, 2014, p. 23). Тем самым снижались издержки, преимущественно связанные с оплатой труда и логистикой. Однако оптимизация такого рода экспортных возможностей подошла к пределу своих возможностей. С этим связан поиск в РК альтернативных внешнеэкономических решений. Стратегия президента Мун Чжэ Ина предусматривает оживление развития малого и среднего бизнеса, сферы услуг, в том числе финансового сектора, а главное – продолжение укрепления инновационных отраслей⁵. В частности, ставится задача приоритетного роста «Индустрии 4.0», в том числе с ориентацией на внешние рынки. В то же время для этого в странах АСЕАН потребуются новое качество трудовых ресурсов, образовательной и институциональной сре-

5 Lee Jong-Wha. Can J-nomics Save South Korea's Economy? URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/moon-south-korea-economic-reform-by-lee-jong-wha-2017-05?barrier=accessreg> (Accessed: 15.09.2017)

ды, что позволило бы поднять в регионе и адекватный спрос, и создание высокотехнологичных производственных цепочек.

Торможение здесь модернизационных и интеграционных процессов может заставить южнокорейский бизнес вновь сконцентрироваться на китайском рынке, чего он стремится избежать⁶. Кроме того, степень интеграции финансовых рынков в Восточной Азии отстает от уровня регионального взаимодействия в сфере торговли. Доля США и ЕС в портфельных инвестициях в 2004–2009 гг. сократилась на 10 процентных пунктов – с 47% до 37% (Park Young-Joon, 2012, p. 81). Однако расширение присутствия местных игроков на рынке портфельных инвестиций и рынке ценных бумаг и краткосрочных кредитов в силу недостатков регулирования и оценки рисков создает атмосферу нестабильности. РК настаивает на неуклонном, но взвешенном подходе к развитию региональных финансовых институтов, а также предлагает свой экспертный потенциал для создания аналитических агентств, осуществляющих мониторинг финансовых рисков в Восточной Азии.

Отсюда также проистекает сбалансированный подход РК при обсуждении перспектив эволюции международной валютной системы. Учитывая привязку мировой торговли к американской валюте, ее роль в международных резервах, Сеул не склонен поддерживать предложения, подразумевающие резкие перемены, способные дестабилизировать существующую иерархию валют. Вместе с тем в РК полагают, что изменение баланса сил в мировой экономике должно сопровождаться постепенной корректировкой валютной сферы, первоначально на региональном уровне. В этом плане Республика Корея положительно оценивает международные swap-овые соглашения, позволившие в 2000-е гг. оперативно привести в равновесие коле-

бания валютного спроса и предложения. С другой стороны, Республика Корея ожидает, что страны, претендующие на увеличение своей внешнеэкономической роли и чья валютная политика оказывает заметное влияние на мировую торговлю, включая Китай, должны демонстрировать повышенную ответственность при принятии своих экономических решений.

В то же время Южная Корея вместе с другими странами – членами АТЭС продолжает изучение потенциальных возможностей сотрудничества, связанных с принятием в 2016 г. на саммите АТЭС в Лиме Декларации об Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ), идея которой активно продвигалась Китаем. Между тем одобренный в Лиме документ носит достаточно общий характер.

Выжидательная позиция РК связана с неопределенным тезисом о намерении интегрировать уже существующие между членами АТЭС двусторонние и многосторонние ССТ в единый договор, действия которого распространятся на весь регион. Пока дорожной картой намечается проведение инвентаризации этих соглашений, фокусируясь на выявлении существующих различий и противоречий. Затем предполагается поиск подходов к снятию противоречий действующих соглашений о ССТ с последующим переходом к выработке новых норм регулирования (“next generation trade and investment issues”), соотнося выработку своих предложений с ВТО. Однако можно предположить, что сложности вызовет поиск решения, какие принципы ССТ целесообразно принять за базовые, а какими допустимо пожертвовать.

***

Кризис или замедление реализации региональных мегапроектов подтолкнет ведущие страны региона к переговорам в более камерном формате – на двусторон-

6 Kim Young-Sun. ASEAN – S.Korea partnership to grow. URL: <https://www.thestar.com.my/news/regional/2017/05/24/asean-korea-partnership-to-grow-seouls-industrial-success-can-provide-invaluable-lessons-to-the-reg/> (Accessed: 15.09.2017)

нем или субрегиональном уровнях. Таким курсом, по всей видимости, в ближайшие годы предполагает следовать администрация Д. Трампа. В этой связи многое будет зависеть от того, в каком темпе продолжится концентрация торгово-инвестиционных связей Китая, Японии и РК в наиболее перспективных сферах экономики, создающих организационную и технологическую основу для углубления интеграционных отношений.

Приоритеты участия РК в региональных проектах в решающей степени определяются тремя ключевыми факторами. Во-первых, тенденцией снижения роли государства в экономике, готовностью южнокорейского частного бизнеса действовать в конкурентной среде. Во-вторых, необходимостью поддерживать внешнеэкономическую экспансию, опираясь прежде всего на потенциал инновационных отраслей. В-третьих, использовать возможности заключения двусторонних ССТ как механизм продвижения внешнеэкономических интересов, обеспечения диверсификации внешних связей, а также подготовку участия страны в интеграционных мегапроектах.

В этом контексте очевидно, что российско-южнокорейские экономические отношения и с количественной (Таблицы 1 и 2), и с качественной точки зрения пока находятся вне магистральных направлений внешнеэкономической стратегии РК. В торговых обменах нет зримого проявления наличия цепочек добавленной стоимости, в южнокорейском экспорте преобладают товары, связанные с автомобилестроением, а в российском – минеральные и энергетические ресурсы. Более того, доля минеральных ресурсов в южнокорейском импорте из России в 2007–2015 гг. увеличилась с 56% до 81% (Сонг Бьонг Джик, 2017, с. 56–57). В связи с этим будущее российско-южнокорейских отношений зависит от перспектив структурной трансформации экономики РФ, увеличения в ней доли высокотехнологичных отраслей, а также от повышения креативной активности российского частного бизнеса на внешних рынках.

Список литературы

- Рогожин А.А. (2017). Экономические отношения АСЕАН и Китая – взгляд без иллюзий. Мосяков Д.В. (ред.). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Идеология, история, политика, культура, экономика. Выпуск XXXIV. Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион 2016–2017 гг.* М.: ИВ РАН. 34–39.
- Сонг Бьонг Джик. (2017). Структура внешней торговли Республики Корея с Российской Федерацией. *Проблемы Дальнего Востока*, (1). 49–60.
- Becker A.K. (ed.). (2011). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 194.
- Cheong Inkyo. (2013). The TPP and the Guest for East Asian Regionalism. *Global Asia*, 8 (1). 60–71.
- Cooper W. [et al.]. (2011a). The EU-South Korea Free Trade Agreement and Its Implications for the United States. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 27–54.
- Cooper W. [et al.]. (2011b). The Proposed U.S. – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implications. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers 55–108.
- Glosserman B., Snyder S.A. (2015). *The Japan-South Korea Identity Clash. East Asian Security and the United States*. N.Y.: Columbia University Press. 219.
- Guidetti A. (2014). South Korea and China: A Strategic Partnership in the Making. *Global Asia*, 9 (3). 110–116.
- Junseong An. (2017). *Renegotiation of the South Korea – US Free Trade Agreement: Time to Think Big Strategy*. 6. URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/76th%20EAF%20Policy%20Debates.pdf> (Accessed: 15.09.2017)
- Kim Joon Hyung. Letting Off Steam: South Korea Role in Northeast Asia. *Global Asia*, 8(1). 24–29.
- Nicolas F. (2012). Korea and economic integration in East Asia: the way forward. *Korea's Economy*, (28). 87–93.

Park Yoon-shik. (2014). Miracle on the Han River Part II, or Regression to the Mean, South Korea's Economy in Transition. *Global Asia*, 9 (4). 22–25.

Park Young-Joon. (2012). Financial Integration in Asia: Development and Korea's Role. *Korea's Economy* (28). 79–86.

References

Becker A.K. (ed.). (2011). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 194.

Cheong Inkyo. (2013). The TPP and the Guest for East Asian Regionalism. *Global Asia*, 8 (1). 60–71.

Cooper W. [et al.]. (2011a). The EU-South Korea Free Trade Agreement and Its Implications for the United States. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers. 27–54.

Cooper W. [et al.]. (2011b). The Proposed U.S. – South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implications. Becker A.K. (ed.). *South Korea: international relations, trade and policies*. N.Y.: Nova Science Publishers 55–108.

Glosserman B., Snyder S.A. (2015). *The Japan-South Korea Identity Clash. East Asian Security and the United States*. N.Y.: Columbia University Press. 219.

Guidetti A. (2014). South Korea and China: A Strategic Partnership in the Making. *Global Asia*, 9 (3). 110–116.

Junseong An. (2017). *Renegotiation of the South Korea – US Free Trade Agreement: Time to Think Big Strategy*. 6. URL: file:///C:/Users/User/Downloads/76th%20EAF%20Policy%20Debates.pdf (Accessed: 15.09.2017)

Kim Joon Hyung. Letting Off Steam: South Korea Role in Northeast Asia. *Global Asia*, 8(1). 24–29.

Nicolas F. (2012). Korea and economic integration in East Asia: the way forward. *Korea's Economy*, (28). 87–93.

Park Yoon-shik. (2014). Miracle on the Han River Part II, or Regression to the Mean, South Korea's Economy in Transition. *Global Asia*, 9 (4). 22–25.

Park Young-Joon. (2012). Financial Integration in Asia: Development and Korea's Role. *Korea's Economy* (28). 79–86.

Rogozhin A. (2017). Economic relations between ASEAN and China – view without illusions. Mosyakov D.V. (ed.). *South-East Asia: current issues of development. Ideology, history, policy, culture, economy*. Vol. XXXIV. *South-east Asia and South Pacific region 2016-2017*. Moskva: IVI RAN. 34–39.

Song Byung Jik. (2017). Structure of Foreign Trade of the Republic of Korea with the Russian Federation. *Problemy Dal'nego Vostoka*. (1). 49–60.

Информация об авторе

Александр Николаевич Федоровский, доктор экономических наук, заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., 23
a.fedorovsk@imemo.ru

About the Author

Aleksandr Nikolaevich Fedorovskii, Doctor of Economics, Head of the Sector of the Asia-Pacific Region Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

23, ul. Profsoyuznaya, Moscow, Russian Federation, 117997
a.fedorovsk@imemo.ru